

В.В.Шишкин. Маргарита де Валуа: пример религиозной нетерпимости? // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 9. / Под ред. Г.Е.Лебедевой. СПб.: Изд.-во С.-Петербургского гос. ун.-та, 2012. С. 130-143.

Королева Наваррская, а затем и французская, Маргарита де Валуа (1553-1615), известная всем как королева Марго, – один из самых любопытных персонажей 16 века, – привлекающая неизменное внимание исследователей и беллетристов разного рода не только своей неординарной жизнью, ролью, которую она сыграла во французской истории периода гражданских или гугенотских войн (1559-1598), но также любопытным писательским и эпистолярным наследием, не так давно изданным во Франции Мадам Вьенно¹.

Элиан Вьенно, профессор ренессансной литературы в университете Сент-Этьен, в своей книге о Маргарите² и многочисленных статьях³ по сути порвала со всей историографической традицией, рассматривающей прежде эту королеву с незадачливой судьбой скорее как ненужное обременение в семье Валуа, авантюристку и интриганку, метавшуюся между враждующими политическими лагерями, с которой никто не считался и которая прославилась своими любовными приключениями. Мадам Вьенно удалось найти, собрать вместе и опубликовать около 470 писем королевы Маргариты, которые помогли исследовательнице сделать совершенно противоположные выводы: Маргарита бесспорно сыграла важную политическую роль в процессе урегулирования гражданского и религиозного противостояния во Франции второй половины 16 века и в начале 17 века, выполняя функцию посредницы между французским и наваррским дворами, а в период

¹ Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614 / Éd. Eliane Viennot. Paris, 1998; Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1614 / Edition critique par Eliane Viennot. Paris, 1999.

² Eliane Viennot. Marguerite de Valois. Histoire d'une femme. Histoire d'un mythe. Paris, 1993.

³ См. сайт Элиан Вьенно: <http://www.elianeviennot.fr/>

регентства Марии Медичи – между двором и мятежными грандами. Большая же часть приписываемых ей любовных увлечений – не более чем фантазии, инспирированные ее недругами еще при ее жизни и запечатленные в пасквилях и памфлетах, и затем перекочевавшие в жизнеописания и в биографические исследования.

Несмотря на положительный резонанс, который произвели исследования Элиан Вьенно, французская и европейская историография не спешит пересматривать свое отношение к Маргарите де Валуа, о чем свидетельствуют ее последние биографии и прочие исторические труды – А. Кастело, Ж. Гаррисон¹, С. Бертьер², Т. Ванегфелана³ и др., равно как соответствующие оценки в обобщающих трудах, университетских учебниках и пособиях⁴. Так, в современном французском учебнике для студентов вузов по истории французской литературы (под ред. Д. Берже)⁵ о королеве нет ни слова, а ее мемуары вообще иногда рассматривают как апокриф⁶. Что касается последнего, то в одной из наших статей, написанной совместно с французским филологом Лораном Ангаром, мы показали, что мемуары и письма, написанные королевой в разные времена и при разных обстоятельствах, связаны между собой как сюжетами, так и используемой лексикой и иными особенностями языка и образа мыслей последней Валуа⁷. У них один автор – Маргарита Наваррская и Французская.

¹ Книга Андре Кастело дважды издавалась на русском языке, в серии «Жизнь замечательных людей»: Королева Марго. М., 1999 и 2009; Garrisson J. Marguerite de Valois. Paris, 1994. Об этих кн. см. статьи В.В. Шишкина и Л. Ангара в кн.: Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. СПб., 2010. С. 183-184, 232.

² Bertière Simone. Les reines de France au temps des Valois. V. 2. Paris, 1998.

³ Wanegffellen Thierry. Catherine de Médicis. Le pouvoir au féminin. Paris, 2005. P. 383-389.

⁴ См., например: Jouanna A., Boucher J. et als. Histoire et dictionnaire des guerres de religion. P., 1998. P. 1074-1078.

⁵ Ловернья-Ганьер К. и др. История французской литературы / Под ред. Д. Берже. М., 2007.

⁶ Bourgeon J.-L. Pour une histoire, enfin, de la Saint-Barthélemy // Revue historique, № 282. 1989. P. 83-142.

⁷ Лоран Ангар, Шишкин В.В. Наваррский двор глазами Маргариты де Валуа: реальность и представление // Средние века. Вып. 72 (1-2). М., 2011. С. 194-213.

Отечественная историография также не обошла вниманием фигуру Маргариты, о чем мы уже писали в сопроводительной статье к русской версии ее «Мемуаров»¹. К сожалению, большая часть работ подвержена традиционным мифологическим клише и представлениям о королеве, причем, иной складывается ощущение, что в угоду публике и общественному ожиданию историки сознательно идут на игнорирование новых фактов и последних исследований, равно как на искажение исторической правды. Так, в недавно вышедшей в издательстве «РОССПЭН» энциклопедии «*Культура Возрождения*» – базового, основополагающего труда, призванного на многие годы служить ориентиром для всех интеллектуалов, интересующихся или связанных с ренессансной эпохой, статья о Маргарите де Валуа, написанная проф. Саратовского университета И.Я. Эльфонд, наполнена небылицами и откровенными ошибками, недопустимыми в подобного рода трудах. По мнению автора статьи, Маргарита «вела на редкость распущенную жизнь», «имела страсть к плотским утехам», явилась причиной Седьмой религиозной войны 1580 г. из-за «связи» с виконтом де Тюренном, покинула двор мужа в 1582 г. из-за любовных походов последнего, подверглась публичному оскорблению со стороны Генриха III «при большом скоплении народа»... Рамки настоящей статьи не позволяют нам углубляться в разбор этих утверждений и критику (все они на деле мифологичны), однако некоторые «данные» этой энциклопедической статьи нужно опровергнуть сразу и категорично: Екатерина Медичи не могла дать пощечину (!) дочери публично, во время брачной церемонии; Ги де Пибрак являлся канцлером не Екатерины Медичи, а самой Маргариты; впервые ее мемуары были опубликованы не в 1653, в 1628 г.; титул королевы Наваррской не мог быть ей оставлен при разводе с мужем в 1599 г., после она именовалась просто королевой Маргаритой; наконец (может это не так важно, и все-таки), она не носила парики (в отличие от своей современницы Елизаветы Английской)

¹ Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы / Изд. подг. В.В.Шишкин при участии Э. Вьенно и Л. Ангара. СПб., 2010. С. 181-184.

вплоть до старости, у нее были собственные осветленные волосы (см. свидетельства Брантома)¹.

Вопрос о религиозности и отношении к вере Маргариты де Валуа, конечно, поднимался исследователями ее жизни и творчества². В общем, принято считать, что она рассматривала себя как непреклонную католичку, отстаивающую апостольскую римскую веру на протяжении всей своей жизни, в конце которой она превратилась, как известно, в образцовую благочестивую даму, покровительницу Венсана де Поля, раздатчика милостыни ее церковного двора, будущего святого и авторитета в католическом мире³. Так, язвительный Таллеман де Рео писал, имея в виду 1610-е гг., что она была «весьма набожной и богобоязненной, ибо заказывала неисчислимое количество месс и вечерен»⁴. В 1608 году в Париже на свои средства она основала монастырь августинцев, получив предварительно разрешение папы Павла V, с которым состояла в переписке⁵. Мы же попытаемся, опираясь на ее мемуары и письма, рассмотреть различные проявления ее религиозных убеждений и ответить на вопрос, была ли нетерпима к иноверцам Маргарита на самом деле и что стояло за ее католической твердостью.

Свои воспоминания она начала писать, когда ей было примерно 40 лет, в 1594 году, – году коронации Генриха IV, уже католического короля Франции. Последнее обстоятельство очень важно, поскольку королева, в тот момент находившаяся в ссылке в оверньском замке Юссон в центральной Франции, весьма желала вновь оказаться при дворе и воссоединиться с

¹ Эльфонд И.Я. Маргарита де Валуа // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 2. Кн.1. М., 2011. С.201-203.

² Eliane Viennot. Marguerite de Valois. Histoire d'une femme. Histoire d'un mythe. P. 26.

³ Pujol Bernard. Vincent de Paul, the Trailblazer. Chicago, 2005.

⁴ Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории. Л., 1974. С. 35.

⁵ Marguerite de Valois. Correspondance. Lettre 454. P. 588; Christiaens Daniel. Une lettre inédite de Marguerite de Valois sur la mort de Bajaumont, seigneur de Lafox // Revue de l'Agenais. № 3, 2009. P. 307-324.

мужем, и поэтому ее мемуары выдержаны в духе лояльности и уважения к королю. Буквально с первых же сюжетов она убеждает нас, что даже в детстве, во время знаменитого диспута 1561 г. в Пуасси, доминиканском монастыре, где в присутствии всего двора и самой 8-летней Маргариты, спорили и одновременно пытались договориться о религиозном согласии католики и протестанты, несмотря на угрозы старшего брата герцога Анжуйского, она отказывалась следовать тогдашней моде двора и принимать от него гугенотские молитвенники и сборники псалмов, предпочитая часословы и четки, равно как общество настоящих ревнителей католической веры – своего духовного наставника кардинала де Турнона и своей гувернантки мадам де Кюртон. Она объясняет это своей приверженностью «истинной, святой и древней религии наших отцов, от которой я никогда не отходила», и готова была «ради моей веры» вытерпеть «все адские муки, если доведется их испытать»¹.

Древняя религия наших отцов – как кажется, ключевая фраза для понимания позиции Маргариты, представительницы правящей семьи Валуа, неотделимой от тела Франции, семьи, политическая и религиозная легитимность которой была тесно связана прежде всего с церковным единством страны, нерушимыми связями с католическим миром и папой, символизирующими незыблемый миропорядок. Все, что мешало этому миропорядку и готово было его обрушить – гугеноты, еретики, протестанты, приверженцы реформированной религии – так Маргарита называет представителей противоположного лагеря – подлежало как минимум преследованию и нетерпимому отношению, особенно если это угрожало прежде всего самой королеве и ее положению. Гугеноты, а не католики прежде всего ассоциировались с гражданской войной, в ее мемуарах это повторяется как рефрен: «гугеноты возобновили войну», «злой умысел гугенотов», «несколько отрядов гугенотов имеют намерение напасть на

¹ Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 22-23.

меня»¹. В своем письме Филиппу II Испанскому в конце 1587 г., уже будучи открытой мятежницей и сторонницей Лиги, порвавшей с матерью, братом и мужем, она писала, что «испытывает страх перед увеличением еретического движения, опасаясь за судьбу всей католической религии, равно как за свою собственную»². Прозорливая Жанна д'Альбре, королева Наваррская, свекровь Маргариты, уже при знакомстве с будущей невесткой поняла, что «твердая преданность Маргариты католической религии и своему дому может подорвать все гугенотское движение», о чем предупреждала сына в одном из своих писем, добавляя характерную фразу: «Принцесса красива, но прошла школу разложения»³. Тосканский посол в депеше во Флоренцию передал одну из их бесед при дворе: девушка напрямик заявила Жанне, что не поменяла бы религии даже ради величайшего государя в мире⁴.

Впрочем, судя по всему, принцесса Валуа сама не питала никаких иллюзий в отношении Жанны д'Альбре, и перспектива войти во враждебную семью Бурбонов, где интересы двух женщин столкнулись бы на почве не только политического, но также религиозного соперничества, ее мало радовала. Поэтому когда мать Генриха Наваррского неожиданно умерла за два месяца до свадьбы от туберкулеза, Маргарите оставалось только вдохнуть с облегчением. Не без иронии пишет она о последнем прощании с Жанной, поражаясь протестантскому обряду и невиданным правилам, оскорбляющим ее как католичку: «... мы приехали в парижский дом усопшей королевы Наваррской с целью отдать последний долг в соответствии с ее положением и нашим семейным родством (это происходило без пышности и церемоний нашей религии, в довольно скромных условиях, которые позволяла гугенотская вера: она [королева] лежала на своей обычной

¹ Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 27, 45, 132.

² Здесь же. С. 294-301.

³ *Lettres d'Antoine de Bourbon et Jehanne d'Albret* / Éd. Le Marquis de Rochambeau. Paris, 1877. P. 340, 393.

⁴ Desjardins A., Éd. *Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane*. Vol. 3. Paris, 1865. P. 758 (от 24.03.1572 г.).

кровати, с открытым пологом, без свечей, без священников, без креста и святой воды; все мы находились в пяти или шести шагах от ее ложа и могли лишь смотреть»¹. Этот отрывок свидетельствует также, что Маргарита была хорошо осведомлена о надлежащем похоронном церемониале лиц королевской крови, и была уязвлена, что по воле покойной этим церемониалом пренебрегли в угоду еретическим канонам².

Кажется, что все известные политические шаги Маргариты доказывают эти ее убеждения, запечатленные в мемуарах, письмах и иных сочинениях. Так, первый публичный религиозный скандал разразился уже во время свадебных торжеств 18 августа 1572 г., когда в Соборе Парижской Богородицы они венчались с Генрихом Наваррским. Свадьба проходила согласно сложному церемониалу, специально разработанному для гугенота и католички и утвержденному в свое время Екатериной Медичи и Жанной д'Альбре. И хотя Маргарита с удовольствием описывает детали своего бракосочетания, она опускает то, что, по сути, венчалась одна, а весь церемониал был беспрецедентным нарушением сложившихся правил. Ее мужа, который не мог присутствовать на мессе из-за вероисповедания, на алтаре представлял ее брат герцог Анжуйский. Видимо, все происходящее она воспринимала как нечто противоестественное и это предопределило ее поведение: на вопрос кардинала де Бурбона о ее согласии, невеста не разомкнула губ³, незадолго до этого сообщив королеве-матери свое мнение о

¹ Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 41.

² См. например, описание похорон королевы Жанны Бурбонской, сделанное Кристиной Пизанской: «...И было торжественно принесено тело, как должно делать для королей и королев, облаченное, в украшениях и в короне, на богатом ложе, под покровом из золотой ткани, сверху полностью накрытое балдахином... Было там четыре сотни свечей, каждая по шесть фунтов воска... В соборе тело было принято под громкий звон колоколов и пение; и отслужили мессу, и роздали щедрое подавание, и многие причастились. Освещена же церковь была ярким светом; и было там пятнадцать архиепископов и епископов в облачениях... и беспрестанно – днем и ночью – служили над телом мессы и вигилии, читали псалмы и молитвы» // Виоллеле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 1997. С. 132-133.

³ Впервые об этом написал итальянский историк Э.-К. Давила (Davila Henri Catherine) (1576-1631), чье сочинение «История гражданских войн во Франции» (*Histoire des guerres civiles de France depuis la mort de Henri II (1559) jusqu'à la paix de Ferrois (1598)*) (перв. изд. - Венеция, 1630) большинство историков признают как весьма достоверное свидетельство эпохи. См.: Т. I. Amsterdam, 1757. P. 407; Элиан Вьенно в своей

предстоящей свадьбе: «Я согласна с Вашей волей и Вашим выбором, но умоляю помнить, что я – истинная католичка»¹.

Свою позицию католической королевы она ясно выразила во время другого скандала – уже в замке По в Беарне, куда наваррский двор, к которому Маргарита присоединилась в 1578 г., прибыл весной следующего года. Пиренейский Беарн являлся суверенным княжеством, где не действовала юрисдикция короля Франции и где Жанна д'Альбре в свое время ввела строгий протестантский культ. Маргарите и ее свите в замке была выделена крохотная часовня, в которую на богослужение в один из праздников пробрались также немногочисленные беарнские католики из числа местных жителей. Маргарита пишет: «Здесь [в Беарне] уже не проводились католические службы, и мне разрешили молиться в единственной маленькой часовне, которая, будучи очень узкой – всего три или четыре шага в длину, едва вмещала в себя семь или восемь человек. В час, когда мы хотели прослушать мессу, замковый мост был поднят из опасения, что католики этой страны, у которых не было возможности присутствовать на церковной службе, могли бы ее услышать, хотя они бесконечно желали присутствовать на этой мессе, поскольку были лишены ее уже несколько лет. Охваченные этим священным и справедливым желанием, жители По в Троицын день нашли способ, перед тем, как подняли мост, проникнуть в замок и затем в часовню»². Окружение Генриха Наваррского отреагировало на это со всей строгостью: на глазах у королевы эти католики были избиты и помещены в тюрьму. Секретарь по религиозным вопросам короля Наваррского Ле Пен дал понять королеве, что так будет и впредь, что она восприняла как крайнее оскорбление: он «сказал мне, чтобы я не занимала голову короля моего мужа этим событием, так как, чтобы я ему ни

биографии о Маргарите отрицает этот факт, но не приводит доказательств: Eliane Viennot. Marguerite de Valois. Histoire d'une femme. Histoire d'un mythe. P. 45-46.

¹ Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 40.

² Здесь же. С. 159.

говорила, он ничего не станет предпринимать, а эти люди понесли то наказание, которое заслужили, и все мои усилия ни к чему не приведут. И вообще, чтобы я была довольна тем, что мне специально разрешили прослушать мессу, равно как людям моей свиты, которых я взяла с собой»¹. Маргарита, в свою очередь, не постеснялась в выражениях в последующем объяснении со своим мужем и его свитскими людьми: «Я настойчиво попросила короля моего мужа, если он и дальше желает, чтобы я была счастлива от его добрых милостей, согласиться со мной в том, что этим ничтожным человеком мне было нанесено очевидное оскорбление, и чтобы он [король] принял соответствующие меры». Написав также жалобу брату, королю Франции Генриху III, и королеве-матери, она настояла на вмешательстве Парижа в эту ситуацию и в итоге добилась освобождения единоверцев из тюрьмы, произнеся знаменитую фразу: «По - это маленькая Женева», прямо выражая свое негативное отношение к этому протестантскому центру, как инициатору нетерпимости и ереси². Писатель Брантом донес до нас придворные слухи: «Она поклялась и заверила [всех], что никогда более ноги ее не будет в этой стране [Беарне], поскольку она желала быть свободной в исповедовании своей религии»³. Свое обещание Маргарита выполнила. Несмотря на все попытки Генриха Наваррского заставить ее вновь отправиться в Беарн вместе, ему не удалось сломить ее упорство⁴.

Говоря об искренних католических убеждениях Маргариты, нужно также вспомнить строки из ее «Мемуаров», где она описывает или упоминает о посещении монастырей и церквей. Как минимум, трижды она пишет об этом, и хотя в двух из трех случаев речь идет скорее о виде светского

¹ Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 160.

² Здесь же. С. 161.

³ Brantôme. Recueil des Dames, poesies et tombeaux / Ed. Etienne Vaucheret. Paris, 1991. P. 142.

⁴ Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 174.

времяпровождения (монастырь в аббатстве Сен-Пьер в Лионе и церковь Святой Вальтруды во фламандском Монсе¹), когда она в окружении своих свитских дам навещала обители, она не могла не прикасаться к мощам святых и наверняка делала богатые пожертвования². Описывая с удовольствием обычный распорядок дня послушниц-пансионерок Св. Вальтруды, она невольно сравнивает его с привычными ей французскими монастырскими правилами и приятно поражается, когда обнаруживает, что фламандские девушки не несут строгих монашеских обязательств. Нужно отметить, что французские королевы и принцессы всегда опекали женские обители, и Маргарита следовала в том числе примеру своей матери, Екатерины Медичи, и это которая также часто посещала монастыри, и где она однажды даже подхватила тяжелую болезнь: «Случилось это по причине посещения ею женских монастырей, - пишет Маргарита, - которых было много в этом городе [Меце], и которые к тому моменту уже были поражены этой заразой [чумной лихорадкой]»³.

Эта ее показная позиция королевы-католички – прежде всего публичная, политическая, позиция самосохранения, связанная с долгом по отношению к королевской семье, к которой она принадлежала, позиция, позволяющая оставаться ей носительницей наивысшего *ранга (qualité)*, – слова, которое она употребляет очень часто в своих сочинениях, – ранга королевского, освященного римским папой, вступала в противоречие с ее собственными убеждениями, ренессансным воспитанием в духе идей неоплатоников, отражение чего мы также видим и в ее мемуарах, и в письмах. Как писал Робер Мандру, «те люди, чей дух питался античностью, – что ярко демонстрируют нам сочинения королевы, – могли найти ... основу

¹ Здесь же. С.61-62, 107-108.

² Историк XVII века Франсуа Эд де Мезере в своей «Истории Франции» однажды написал про Маргариту: «Как настоящая представительница семьи Валуа, она всегда делала подарки, извиняясь, что дарит так мало» // Mezeray Fr. Abrege chronologique de l'histoire de France. Т. 3. Amsterdam, 1740. P. 310.

³ Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 58.

для мыслей, явно противоречащих христианским догматам», «мыслей, касающихся самых деликатных вопросов вероучения или самых непреложных истин»¹. Послушаем Маргариту: «Читая прекрасную всеобъемлющую книгу о чудесах Природы, творимых Создателем, для меня как будто открылся путь к благочестию, когда заново рождается душа, поднимаясь в своем познании до высшей ступени, на которой находится Бог, и восторженная, наполняется счастьем от этого чудесного сияния и величия этой непостижимой сущности, совершая полный круг и думая только о том, чтобы следовать за цепью Гомера, этой приятной энциклопедией, которая, отправляясь от Бога, к Богу и возвращается, как началу и концу всего в мире. И грусть, вопреки радости, уносящей от нас мысли о наших деяниях, пробуждает саму нашу душу, которая собирает все свои силы, чтобы отбросить Зло в поиске Добра, думая снова и снова, без усталости, как достичь этой благой вершины, где, конечно же, ее ожидает спокойствие. Только узнав их [грусти и радости] прекрасные проявления, можно придти к пониманию и любви Господа»².

Королева Маргарита, как мы видим, непоколебимая в своей вере в Бога и Божественное провидение, о чем она много раз пишет и пространно размышляет в своих мемуарах и письмах³, равно как цитирует Священное писание⁴, оставаясь действительно искренней католичкой, *католичкой тела*

¹ Мандру Робер. Франция раннего нового времени, 1500-1640. Эссе по исторической психологии. М., 2010. С. 253-254.

² Скорее всего, этот пассаж «Мемуаров» навеян «Апологией Раймунда Сабундского» Мишеля де Монтеня, который и посвятил это эссе Маргарите // Монтень М. де. Опыты. Кн. 2, гл. XII. М., 1992. С. 112 и далее.

³ Например, несколько характерных фрагментов из писем: «Так как я знаю наверняка, что попаду в руки Господа, со мной ничего не случится помимо Его воли. Я обручена со Всевышним, простершим ко мне Свою длань» (Серлану, 1586 г.); «В такой великой опасности Господь, который никогда не покидал меня, укрепил мой дух и подсказал [нужные] слова» (Филиппу II, 1587 г.); «Я ...должна неустанно восхвалять и благодарить Господа, [ибо] Всевышний внял моим самым истовым молитвам, которые я Ему когда-либо возносила» (Генриху III, 1588 г.) // Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 293, 297, 301.

⁴ Любопытно, что все библейские цитаты «Мемуаров» - из Ветхого и Нового Завета - неточны, и представляют собой контаминации, т.е. королева цитировала по памяти: Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 32, 133, 140.

Франции, от которого была неотделима, понимала в тоже время, *что не может играть роль королевы одних католиков*, поскольку в наваррском королевстве, владениях ее мужа, преобладали гугеноты. Это понимание, наверное, как невольный водораздел в ее судьбе, пришло к ней в Варфоломеевскую ночь – событие, где Маргарите была отведена трагическая роль. Наверное, мы никогда не узнаем, хотела ли Екатерина Медичи смерти своей дочери в тот момент, или не исключала такое развитие событий, но рассказ Маргариты наталкивает именно на такие мысли¹. Случайно уцелев во время кровавой резни в Лувре, она сумела спасти жизни двум гугенотским дворянам и одному католику, придворному ее мужа, сумев добраться до королевских покоев и броситься в ноги Карлу IX, своему брату. Свидетельствует Брантом: «Мне рассказали об этом те, кто там [в Лувре, во время Варфоломеевской ночи] был, и я знаю только то, что от них услышал. Она [Маргарита] отнеслась к избиениям с большим нетерпением, и спасла многих, в том числе одного гасконского дворянина (мне кажется, что его звали Леран), который, весь израненный, бросился на кровать, где она спала, а она [королева] прогнала убийц, преследовавших его вплоть до дверей; ибо она всегда была милосердна и проявляла доброту ко всем, как подобает дочерям Франции»². Можно объяснить этот шаг милосердием, вслед за Брантомом, однако, как кажется, девятнадцатилетняя девушка спасала не только дворян, которые приехали к ней на свадьбу, она спасала прежде всего *своих собственных подданных и свою честь королевы Наваррской*. Маргарита спрятала у себя барона де Лерана и, как только он поправился, сумела переправить его в безопасное место³.

¹ Описание событий Варфоломеевской ночи: Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 45-51.

² Brantôme. Recueil des Dames, poesies et tombeaux. P. 142.

³ О его судьбе см. ст. В.В.Шишкина: Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 204-210.

Стоит добавить, что Генрих Наваррский, видимо, также обязан своей жене, как минимум смелым заступничеством, так, тот же Брантом свидетельствует: «Я слышал от одной принцессы, что она спасла ему [Генриху Наваррскому] жизнь во время Варфоломеевской ночи, ибо, несомненно, он был обречен и внесен в кровавый список, как говорили, потому что высказывалось мнение, что следует уничтожить на корню короля Наваррского, принца де Конде, адмирала и прочих знатных лиц. Однако названная королева [Наваррская] бросилась в ноги королю Карлу, прося его сохранить жизнь своему мужу и господину. Король Карл дал ей свое согласие с большим трудом, и только потому, что она была его доброй сестрой»¹. Сама Маргарита, прочитав этот пассаж в 1593 году, не стала его ни подтверждать, ни опровергать. На тот момент она являлась женой уже короля Франции, и, возможно, ей не хотелось публично напоминать Генриху IV о своей роли в самые трагические часы его жизни. Пытаясь исправить непоправимое в Варфоломеевскую ночь, и позже отказавшись развестись с мужем во имя спасения чести семьи Валуа, она вызвала непонимание и устойчивую неприязнь своей матери, сохранявшуюся до конца жизни. «Бременем, посланным мне Господом, в наказание за мои грехи» называла Екатерина Маргариту².

Оставаясь настоящей Валуа, и, по сути, верой и правдой отстаивая интересы своего угасающего дома, будучи при наваррском дворе, Маргарита с ее изысканным гуманистическим образованием и воспитанием, неоплатоническими идеалами любви и душевной гармонии все силы прикладывала для политического урегулирования и активно занималась миротворческим посредничеством в отношениях между враждующими лагерями и враждующими дворами³. Сюлли, конфидент короля Наваррского

¹ Brantôme. Recueil des Dames, poesies et tombeaux. P. 142.

² Леони Фрида. Екатерина Медичи. М., 2006. С. 501.

³ См. подробнее: Лоран Ангар, Шишкин В.В. Наваррский двор глазами Маргариты де Валуа: реальность и представление С. 194-213.

и будущий сюринтендант финансов Франции, позднее вспоминал также: «Король и королева Наваррские [...] обосновались в Нераке, и их двор был в то время самым приятным и чудесным, ибо там говорили только о любви, удовольствиях и развлечениях, которыми наслаждались»¹. «При мне состояло много придворных дам и фрейлин, – вторит ему Маргарита в «Мемуарах», – а короля моего мужа окружал прекрасный эскорт сеньоров и дворян – весьма благородных людей, галантных не менее, чем те, кого я видела при французском дворе. Не было никакого сожаления из-за того, что они являлись гугенотами, никто и не говорил о различии религий: король мой муж и мадам принцесса его сестра отправлялись слушать проповедь, а я со своей свитой шла на мессу в церковь, находившуюся в парке. Когда все заканчивалось, мы встречались, чтобы совершить совместную прогулку по прекраснейшему саду... Остальную часть дня мы проводили в разного рода светских развлечениях; бал обычно проходил после обеда или вечером»². Действительно, в штате двора Маргариты мы встречаем и католиков, и гугенотов, причем, многие сохраняли ей верность даже после ее разрыва с мужем весной 1585 года³. Все спасенные ею в Варфоломеевскую ночь дворяне оказались благодарными своей госпоже, оказывали ей различные услуги, посредничали в отношениях с мужем, предупреждали об опасностях. Даже непримиримый Агриппа д'Обинье, суровый гугенотский капитан и позднее писатель, не любивший королеву, признавал ее влияние и однажды пресек попытку ее убийства⁴. Этот удивительный, межконфессиональный двор, уникальное явление в европейской бескомпромиссной политике 16

¹ Maximilien de Béthune, duc de Sully. *Oeconomies royales, ou Mémoires de Sully (1578-1579)* / Éd. M. Petitot // Collection des Mémoires relatifs à l'Histoire de France, depuis l'avènement de Henri IV jusqu'à la paix de Paris, conclue en 1763. Paris, 1820. T. I. P. 285.

² Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С.163.

³ См. подробнее: Lauzun Ph. *Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne d'après ses livres de comptes*. Paris, 1902 (в книге помимо прочего приведены списки лиц, исполняющих придворные обязанности при королеве с указанием должности и размера жалования).

⁴ Д'Обинье Т.-А. Приключения барона де Фенеста. Жизнь, рассказанная его детям / Пер. И.Я. Волевич и В.Я. Парнаха. М., 2001. С. 194.

века, надо полагать, был целью, политическим и религиозным идеалом Маргариты де Валуа, которая рассматривала его как средство умиротворения гражданских смут. Не поступаясь своими принципами католички и королевы, она пыталась гармонично соединить свои убеждения с политической и религиозной реальностью. По сути, благодаря королеве Наваррской на короткий момент был создан прообраз аналогичного по сути двора будущего Генриха IV, межконфессионального французского двора с правом религиозного выбора для придворных. Гугеноты были страшны и опасны для нее не только период военных обострений, когда превращались не столько в религиозных, сколько в политических противников.

Наваррский двор вызывал искренний интерес и даже ревность не только у французского, но также английского двора (Шекспир даже назвал его «возвышенным двором»), где протестантская королева Елизавета Тюдор, не особенно жалующая католиков, бесконечно досаждающих ей интригами и заговорами, в том числе из-за Марии Стюарт, так и не сумела придти к межконфессиональной гармонии. Кстати, Елизавета и Маргарита состояли в переписке: королева Наваррская искренне желала и надеялась на женитьбу своего любимого младшего брата герцога Алансонского на английской королеве¹. Как видно, здесь политические мотивы брали верх над религиозными различиями.

Впрочем, Елизавета Английская была не единственной протестантской дамой, с которой поддерживала отношения Маргарита: в числе ее ближайших парижских подруг, посвященной во многие ее тайны, была гугенотка Луиза де Клермон, герцогиня д'Юзес, гофмейстерина Екатерины Медичи, «моя Сивилла», как называет ее в переписке королева.

Сохранилось более двух десятков писем Маргариты, адресованных герцогине, в которых можно обнаружить политические новости, личные

¹ См. ее письмо Елизавете: Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С.286; Дмитриева О.В. Елизавета I. Семь портретов королевы. М., 1998. С. 121-122.

переживания, откровения, жалобы, но только не обсуждение религиозных предпочтений¹.

Таким образом, мы приходим к мысли, что религиозная нетерпимость Маргариты де Валуа, впрочем, наверное, как и многих членов ее семьи, - скорее результат определенных политических ситуаций, в которые она попадала, средство самосохранения и отстаивания прерогатив королевского величества в условиях умаления авторитета королевской власти, дрызг в королевской семье, распада единой страны и гражданских потрясений. Мы видим ее милосердной, когда льется кровь гугенотов, и жесткой, когда приходится сражаться с протестантами (во время т.н. Аженского эпизода ее биографии в 1585 г.) или отстаивать право на свое вероисповедание. Маргарита, не колеблясь, отдавала приказ о разрушении нескольких десятков домов богатых католиков, чтобы достроить цитадель и обезопасить город, и в тоже время привечала иезуитов, разрешив им основать свой коллеж в том же Ажене²... Она защищала своего мужа-гугенота от своей семьи – «Я всегда отвечала своей жизнью, чтобы с Вами ничего не случилось», – писала она ему в 1582 г.³, и получала от него взамен только циничные уверения в дружбе, а на деле – предательство и попытки использовать ее как предмет политического торга⁴.

Политическая роль, которую пришлось сыграть королеве Наваррской, очень неоднозначна, противоречива, как и сама эпоха общественного, гражданского разобщения и разногласия французского общества XVI столетия, но это была роль настоящей политической и религиозной

¹ Marguerite de Valois. Correspondance. P. 664.

² Christiaens Daniel. Une lettre inedite de Marguerite de Valois sur la mort de Bajaumont, seigneur de Lafox // Revue de l'Agonais. № 3, 2009. P. 307-324.

³ Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. С.291.

⁴ Chichkine Vladimir. Documents inédits sur Marguerite de Valois à Saint-Pétersbourg // Revue XVI siècle, 2012 (à paraître).

посредницы, которую с блеском сыграла последняя ренессансная королева Франции.
